

Вилла расположена фасадом на юг, и внутри царит та же свежесть, что и снаружи: повсюду зелень, а стоит подуть ветру, как воздух наполняется прохладным ароматом хвои и трав.

Цэнь Лубай повела Цзян Чжаосюэ по вымощенной мраморными плитами дорожке к главному входу. У крыльца стояла пожилая женщина с серебристыми волосами, одетая в стеганую куртку. Она неуверенно балансировала на стремянке, пытаясь дотянуться до верха двери, и каждое её движение заставляло невольно затаить дыхание от страха за неё.

Цзян Чжаосюэ невольно остановилась. Цэнь Лубай, словно почувствовав это, осторожно взяла её за запястье, призывая замереть. Они обе молчали, боясь спугнуть старушку резким звуком.

Лишь когда женщина благополучно спустилась и твердо встала на землю, Цэнь Лубай негромко произнесла:

— Тетушка Чжоу.

Та обернулась на голос, и стоило ей увидеть Цэнь Лубай, как её глаза расплылись в широкой улыбке:

— Лубай! Как же ты приехала?

В её голосе слышалось искреннее удивление и радость.

Цэнь Лубай подняла голову, глядя на свеженаклеенные парные надписи у входа, и ответила ровным тоном:

— Захотелось подышать свежим воздухом.

Тетушка Чжоу, по-видимому, хорошо знала положение дел в клане Цэнь, поэтому ничуть не удивилась. Она понимающе кивнула и, вместо того чтобы упрекать девушку в праздности, ласково заметила:

— И правильно, отдыхать тоже нужно. — Затем её взгляд упал на Цзян Чжаосюэ, и она с теплотой добавила: — И госпожу Чжаосюэ не потревожили?

Цзян Чжаосюэ вздрогнула от такого участливого обращения. Она не помнила, чтобы когда-либо встречалась с этой женщиной.

Цэнь Лубай пояснила:

— Тетушка Чжоу была на нашей свадьбе.

— Ох, да, — закивала та, — я видела вас издалека и подумала: какая же Лубай счастливица, как же вы подходите друг другу. А теперь вижу вблизи — и правда, чудо, а не пара.

Цзян Чжаосюэ вспыхнула, не зная, что ответить, и лишь вежливо улыбнулась. Она вслед за Цэнь Лубай поздоровалась с тетусшкой Чжоу и участливо добавила:

— Как же вы решились клеить надписи в одиночку? Нужно было попросить кого-нибудь придержать лестницу, это ведь опасно.

Цэнь Лубай тоже спросила:

— Разве вы не просили курьера помочь с этим?

Тетусшка Чжоу нахмурилась, явно смутившись, и замахала руками:

— Ой, нет-нет, это я сама, мне же скучно целыми днями. Да и рано еще, до праздника время есть, а парные надписи принято вешать ближе к делу.

Цэнь Лубай поджала губы, явно не одобряя такой самостоятельности, но спорить не стала и лишь поинтересовалась:

— Всё уже закончили?

— Почти, осталась только задняя дверь, — успокоила её женщина. — Она низкая, там и лестница не нужна, всё в порядке.

Цэнь Лубай промолчала.

Подул холодный ветер, зашумев листвой, и Цзян Чжаосюэ невольно потерла ладони друг о друга. Цэнь Лубай распорядилась:

— Пойдемте внутрь.

Тетусшка Чжоу спохватилась и принялась винить себя:

— И то верно, что же я вас на холоде держу! Проходите, проходите скорее.

Она прислонила лестницу к стене и гостеприимно распахнула дверь.

Едва войдя в дом, Цзян Чжаосюэ сразу обратила внимание на длинный свиток с картиной Чжан Вэньюна в технике гунби, висевший на стене в гостиной. Интерьер был выполнен в сдержанном, слегка винтажном стиле, и картина вписалась в него идеально, подчеркивая вкус хозяев.

Цзян Чжаосюэ прониклась уважением: Цэнь Лубай действительно очень ценит творчество Чжан Вэньюна.

Она вежливо остановилась у дивана, не разглядывая ничего лишнего. На тумбе под телевизором стоял бонсай и две фоторамки. Цзян Чжаосюэ перевела взгляд на них: на одной была совместная фотография Цэнь Лубай и тетушки Чжоу, а на другой — маленькая девочка с короткой стрижкой рядом с пожилой женщиной.

На фото девочка с ясными глазами и белоснежными зубами сидела на газоне, играя с собакой, и смеялась так искренне, что на душе становилось светло. Старушка, обмахиваясь веером, сидела в плетеном кресле и с любовью смотрела на неё.

Картина была очень теплой.

— Это моя бабушка, — тихо сказала Цэнь Лубай.

Цзян Чжаосюэ присмотрелась: если не считать выражения лица, девочка была точной уменьшенной копией Цэнь Лубай.

Цэнь Лубай с нежностью в голосе продолжила:

— Она скончалась, когда мне было семь. Пока она была жива, мы жили здесь вместе.

Цзян Чжаосюэ растерянно моргнула, пытаясь подобрать слова, которые не прозвучали бы фальшиво:

— Вы так похожи, особенно повадками.

Цэнь Лубай, казалось, была довольна:

— Правда?

Цзян Чжаосюэ кивнула. И правда, совсем не похожа на Чжуан Синьюнъ.

Тетушка Чжоу принесла теплой воды и спросила, не проголодались ли они, не приготовить ли пельменей. Цэнь Лубай взглянула на Цзян Чжаосюэ, та покачала головой, и Цэнь Лубай ответила, что не нужно.

— Мы отдохнем немного и к вечеру уедем.

— Хорошо-хорошо, — закивала тетушка Чжоу. — Тогда я все равно поставлю вариться пельмени — как же в такой день уйти, не отведав угощения на удачу?

Цэнь Лубай не стала спорить, слегка кивнула и повела Цзян Чжаосюэ на второй этаж.

Проходя мимо пустующей гостиной, Цзян Чжаосюэ заметила, как в окнах, занавешенных легкими шторами, играет солнечный свет. Почему-то ей показалось, что здесь должно стоять пианино.

Цэнь Лубай ведь наверняка умеет играть?

Она невольно бросила взгляд на руки спутницы. Как и у неё самой, у Цэнь Лубай была холодная, бледная кожа, тонкие, изящные пальцы, напоминающие стебли молодого лука. На суставах виднелись легкие мозоли от постоянного письма, но это не портило их, а придавало какой-то особой, необъяснимой притягательности.

Цзян Чжаосюэ задержала взгляд на секунду дольше, чем следовало, и, подняв глаза, внезапно столкнулась с насмешливым взглядом Цэнь Лубай.

Уши Цзян Чжаосюэ мгновенно вспыхнули. К счастью, Цэнь Лубай ничего не сказала.

Поднявшись на второй этаж, Цэнь Лубай показала ей комнаты: спальню, кабинет, а также кинозал и тренажерный зал на третьем.

Стоя в спальне, где окна были задернуты полупрозрачными шторами, Цэнь Лубай заметила легкие тени под глазами Цзян Чжаосюэ:

— Тетушка Чжоу живет внизу, а эта комната всегда готова, постельное белье здесь меняют регулярно. Ты вчера легла поздно, а сегодня ночью еще караулить, может, поспишь немного?

Цзян Чжаосюэ, почувствовав внезапную усталость, заколебалась:

— А ты?

— Буду в соседней комнате, работать, — ответила Цэнь Лубай с легкой улыбкой.

Кабинет по соседству был явно не местом для отдыха, и Цзян Чжаосюэ, не желая мешать, согласилась:

— Хорошо, я поставлю будильник.

Ей и в голову не пришло, что спать в постели Цэнь Лубай может быть чем-то странным.

В глазах Цэнь Лубай промелькнуло что-то теплое, она кивнула и прикрыла за собой дверь.

Цзян Чжаосюэ оглядела комнату, стараясь ничего не трогать, завела будильник и, сняв верхнюю одежду, легла прямо так. От постели исходил едва уловимый холодный аромат — точно такой же, как от самой Цэнь Лубай.

Она закрыла глаза, мысли начали путаться, и вскоре она провалилась в глубокий сон.

Когда она проснулась, было уже около четырех часов, свет за окном заметно потускнел. Приведя себя в порядок, она вышла из комнаты.

Дверь кабинета была открыта, Цэнь Лубай там не было. Спустившись по лестнице, Цзян Чжаосюэ увидела в открытой кухне Цэнь Лубай, которая сидела у кухонного острова и наблюдала, как тетушка Чжоу лепит пельмени.

По телевизору крутили записи старых новогодних концертов, а на столе лежали продукты, парные надписи и хлопушки. Здесь было гораздо уютнее, чем в доме Цэнь.

Цзян Чжаосюэ улыбнулась и подошла ближе, не стараясь ступать тихо. Цэнь Лубай услышала шаги и обернулась, в её глазах читалась мягкость:

— Выспалась?

Цзян Чжаосюэ кивнула, чувствуя неловкость перед тетушкой Чжоу за то, что проспала столько времени. Она подошла ближе и сменила тему:

— Лепите пельмени?

Тетушка Чжоу рассмеялась, выдавая Цэнь Лубай:

— Да вот, госпожа Чжаосюэ, посмотрите на эти, что Лубай слепила. — Она указала на самые кривые пельмени на подносе. — Сказала, что если разварятся, будет сама их есть.

Цзян Чжаосюэ не сдержала смешка, на губах Цэнь Лубай тоже заиграла улыбка, но тут зазвонил её телефон. Она отошла в сторону, а Цзян Чжаосюэ, вымыв руки, села на её место и в шутку спросила:

— Тетушка Чжоу, ну-ка, оцените, как я леплю?

— О, с радостью! — отозвалась та.

Цэнь Лубай, разговаривая по телефону, вышла из кухни.

Тетушка Чжоу, не стесняясь, разговорилась с Цзян Чжаосюэ, хваля её ловкость и обучая тонкостям лепки, а потом неожиданно подмигнула:

— Чжаосюэ, скажи по правде, с Лубай, наверное, скучновато, а?

Цзян Чжаосюэ, не ожидая такого вопроса, смущенно улыбнулась:

— Нет, что вы.

В её голосе звучала искренняя теплота.

Тетушка Чжоу, приняв это за стеснительность, принялась защищать свою любимицу:

— Лубай кажется холодной и немногословной, но на самом деле она очень мягкая и заботливая. Она всегда делает больше, чем говорит. Я вижу, как сильно она вас любит. Если она не умеет выражать чувства или чем-то обидит — вы уж будьте снисходительнее. У неё такой характер.

От слов о том, что Цэнь Лубай «любит до безумия», Цзян Чжаосюэ вспыхнула, не зная, то ли Цэнь Лубай такая хорошая актриса, то ли у тетушки Чжоу глаз наметан.

Она кивнула, стараясь выглядеть пристыженной и довольной, и, вспомнив фотографию бабушки, с любопытством спросила:

— А Лубай в детстве тоже была такой молчаливой?

На фото она совсем не выглядела такой.

Тетушка Чжоу вздохнула:

— Ох, нет. А еще она была упрямой до невозможности. Никогда не терпела несправедливости — если верила в свою правоту, то не стала бы оправдываться дважды.

Цзян Чжаосюэ широко распахнула глаза, проявляя живой интерес.

Тетушка Чжоу вошла во вкус:

— Помню, когда её отец еще был жив, они зимой поехали кататься на лыжах. Не знаю, что там произошло, но все дети вернулись с синяками, и только Лубай пострадала меньше всех. Младшие кузены начали настаивать, что это Лубай специально подставила им подножку, а она твердила, что нет. Те двое стояли на своем, свидетелей не было, и отец ей не поверил. А тут еще мать рассердилась, что Лубай обидела братьев и лжет... В общем, отец в наказание заставил её стоять на коленях на снегу у лыжной базы, пока не признается.

— Зима, мороз, а она стоит и молчит, ни звука не издает. Хорошо, что я была там, увидела, что она стоит уже полдня и лицо у неё совсем посерело, позвонила отцу. Он спросил, признает ли она вину, а она ни в какую. В итоге она потеряла сознание прямо там, на снегу. Когда её принесли, она уже была без чувств. Неделью пролежала с высокой температурой, и только когда вмешался дедушка, всё замяли.

Тетушка Чжоу рассказывала это буднично, но у Цзян Чжаосюэ от ужаса замерло сердце, она даже перестала лепить пельмени.

Она-то думала, что её собственный отец, Цзян Син, был строг, но какие родители могут заставить собственного ребенка полдня стоять на коленях на зимнем морозе?

Она поняла: жизнь Цэнь Лубай была совсем не такой, как у «золотой девочки», живущей в роскоши, какой она представлялась ей раньше.

<http://bllate.org/book/18697/1807090>